

Пришелец из «интеллектуального космоса»

Штрихи к телевизионному портрету Александра Гордона

Наверное, невозможно найти среди известных телевизионных ведущих такого, который вызывал бы большую нелюбовь телекритиков, чем Александр Гордон. В чем только его не упрекали: и в самолюбованиях, и в неуважении к собеседнику, и в «высоколобости», и наоборот — в поверхностности и дилетантизме. О том, насколько справедливы эти упреки, судить в конечном счете — зрителю. Но взгляд профессионального психолога тоже может оказаться небезынтересным. О манере экранного поведения, так сказать, «фирменном стиле» Александра Гордона размышляет директор Института групповой и семейной психологии и психотерапии Леонид КРОЛЬ.

Он смотрит на происходящее откуда-то сбоку и на себя самого, смотрящего сбоку, — откуда-то еще более сбоку. Смотрит так, чтобы самому окончательно запутаться: то ли он на стуле сидит, то ли со стороны на себя смотрит, то ли смотрит на того себя, который смотрит со стороны на сидящего на стуле.

Почти не общается с собеседником, смотрит мимо и говорит невзначай, причем непонятно кому: то ли все-таки находящемуся рядом, то ли вчерашнему себе, то ли кому-то в соседней комнате. Впрочем, дает понять, что хотя к вам он совершенно безразличен, ко всем остальным — безразличен точно так же, а значит, все и в порядке. Иногда демонстрирует заинтересованность, но она угасает так же внезапно и неожиданно, как и включается.

Честно ведет себя в том смысле, что, забывая о других, забывает и о себе. Тем самым одинаково имитирует и рассеянность, и сосредоточенность на чем-то своем, и озабоченность судьбами мира, и всем вообще интересным. Недолго «шагает» вровень с собеседником. Отбегает и садится на обочину разговора, потом, когда вздумается, догоняет.

Любит изображать марсианина, которым и является, но не там, то не так, то не с теми. Игрет всегда в самого себя, потерявшегося и еще не нашедшего себя в новых обстоятельствах. Любит быть освещен юпитерами, но в тени, на краю света. Чешет, гладит себя известностью, освещенностью. Существует, как кошка на грани охоты и сна, полного расслабления и настороженности, хищности и ленивой вальяжности, известности и проваливания на целые периоды жизни непонятно куда. Хотел бы быть домовым: этакой нечистой силой телевидения появляться из углов и щелей, каналов и эфиров и как-то незначай перемешаться.

Не тонет, не умея плавать. Мог бы участвовать в биатлоне, не умея ни стрелять, ни на лыжах бегать. Своеобразный транс наводит на собеседников, позволяя им нарциссический танец самолюбования вокруг все равно чего, почти не мешая и только слегка запутывая, чтоб выпутывались сами и не очень-то собой гордились, а скорее, спотыкались о вроде так хорошо знакомый предмет разговора.

Не грустен, не весел, а как-то умеренно не в себе. Со словами: «Ну все, я уйду», — никуда не уходит, а наоборот, садится и начинает тосковать и безмерно себя жалеть, куда-то в себя проваливаясь и ощущая огромную внутреннюю способность чувствовать. Удивляясь при этом самому себе: «Откуда бы?»

Не любит засыпать до последнего, так как просыпаться очень мучительно и бессмысленно. Когда долго не досыпает или не спит, то как бы обретает право и оправдание спать на ходу, почти с закрытыми глазами. Упрямо оставляет за собой право (пронизывающее все его возраста) рисовать на полях происходящего все что угодно и делает из этой необязательности, рассеянности, наглости и пофигизма — жанр жизни и

профессию. Хохмы ради может попробовать и нечто как бы последовательное, чтобы разрушить последовательность в конце и поставить ее в кавычки.

Работоспособен, так как не знает что делать, когда останавливается. Скучает, когда начинает отдыхать. Испытывает потребность в «мимобеседе» с людьми-тенями, в бытии на границе света в тени, постоянном движении куда-то в легкое фатовство, хамство, завиральность, в движении в некую виртуальность, где и он сам, и тема, и его планы — то материализуются слегка, то растворяются. Четко фиксирует некие кристаллы дела, добивается своего. Иногда прагматичен, цепок, прекрасно использует других. Из рук роняет, но, как правило, не раньше, чем получил то, что ему нужно.

Часто готов отдать и действительно отдает. Не дорожит многим, за что другие многое бы отдали. Считает, что чем больше потеряет или отдаст, тем больше невесть откуда получит. Не жаден.

Умеет вовремя появиться, спросить. Часто, как бы себе на зло, пропускает ход и не получает того, что мог бы получить. Язвитель, способен к эпиграмме, карикатуре. То осторожен, то хамоват. Ловок и ленив одновременно. Мог бы хорошо кувыряться и выступать в цирке. Мог бы жонглировать, заклинать змей и сам изображать змею при случае, объявлять номера и путать их время от времени. Изображать толстую женщину и худющего подростка, превращаясь быстро из одного в другое.

Заурядная внешность: и не красив и не уродлив, и не стар и не молод, и не остроумен и не глуп, что-то в нем есть, а что — не скажешь. Человек летающих в воздухе пылинок: на них можно долго смотреть, только если эффектно их показывать, подсвечивать, менять ракурс. Такая вот поэзия броуновского движения и возникающих из пыли узоров.

